

Виктор Михайлович Акаткин родился в 1939 году в селе Березняговка Усманского района Воронежской области. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, литературовед, литературный критик. 25 лет работал деканом филологического факультета Воронежского государственного университета. Публиковался в журналах «Подъём», «Вопросы литературы», «Русская литература», «Литературное обозрение», «Филологические науки» и др. Автор более 200 научных работ и многих книг о современной литературе. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Виктор Акаткин

СТАРАТЕЛЬ

(Житейское и научное кредо
Олега Алейникова)

Старатель... В этом слове мне видится весь человек: и его рабочий облик, и сокровенный характер, и особые профессиональные навыки, и драгоценные результаты настойчивых долгих усилий...

В послесловии к своей фундаментальной монографии «Андрей Платонов и его роман “Чевенгур”» О.Ю. Алейников вспоминает, как «один из первопроходцев “платоновской темы” — Владислав Петрович Скобелев — сравнил работу филолога-разыскателя с “трудом старателя-рудознатца”». Да, это так, потому что сам он прошел старательскими тропами четвертьвековой путь: «Метафору легко принять и продолжить, помня о том, что новые данные о биографии писателя и фактической основе его произведений чаще всего приходится собирать по крупичам».

Правда, иные «старатели» добывают все это в сетях, не отходя от рабочего стола... Что же касается собственного 60-летнего юбилея, то Олег Юрьевич без наших прозрачных намеков и не вспомнил бы о нем — некогда!

«Не юбилейте!» — решительно приказывал братьям-писателям Маяковский. Ведь для него юбилей — не точка с восклицательным знаком в ревущем марше, не повод для пышных словесных салютов и дружного водворения на пьедестал, а ремонт в пути: остановился, подремонтировался — и дальше, вперед, добывать тот самый нужный радий из тысяч тонн словес-

ной руды. Подобного рода юбиляры виноваты лишь тем, что и на их круто восходящем пути случаются крупные даты...

В этом году Олег Юрьевич Алейников встречается со своим 60-летием — он родился 27 августа 1962 года (в книге о филологическом факультете ВГУ ошибочно назван 1961 год). Позади средняя школа № 5 (золотая медаль), РУДН (диплом с отличием), год службы в армии, аспирантура и защита кандидатской диссертации по творчеству Валентина Распутина, преподавательская, издательская и административная деятельность (он был проректором ВЭПИ по программам развития и по науке, директором Института инновационных технологий) и, конечно же, та самая старательская филологическая работа (свыше 250 научных публикаций). Он стал заметной фигурой на наших деловых воронежских горизонтах, авторитетным ученым в университетском сообществе России и зарубежья, прежде всего — известнейшим специалистом по творчеству А. Платонова.

Уже в школьные годы в нем угадывался юноша философского склада ума со своими вопросами к миру, к литературным героям и писателям, на которые не всегда можно было ответить. Он много читал, переворачивал всю дедовскую библиотеку (а там были книги далеко не советского стандарта). Характерны выбранные им темы сочинений. В 9 классе он, по свидетельству М.А. Зацепиной, «писал сочинения о силе добра», сопоставляя экзистенциальные принципы двух друзей: «Живи, не делая зла» (Болконский) и «Делай добро другому» (Безухов). При этом юноша не побивает один принцип другим, как следовало советскому школьнику, а, исходя из обоих, приходит к пониманию, что добро сильнее и оно победит. Для доклада на семинаре он выбирает не менее сложную тему: «Отлучение Толстого от Церкви», за который получил Диплом I степени. Золотая медаль открыла ему двери в РУДН, где он целеустремленно изучал гуманитарные науки, а также иностранные языки, в том числе, сверх программы, арабский.

Вернувшись на малую родину, О.Ю. Алейников сосредоточился на педагогической работе: накапливает материалы и читает лекционный курс «Современный литературный процесс», спецкурсы «Творчество А.И. Солженицына», «Анализ художественного текста», «Методология и методика дипломного исследования». Работая в ВГПИ, он написал 11 научно-методических работ — разрушительные 90-е образовали много пустот, надо было самоотверженно их заполнять. До перехода в Воронежский госуниверситет в 2000 году у него уже было 50 научных публикаций, причем первая из них — студенческой поры, 1984 года.

В университете он погружается в изучение «воронежского текста» русской культуры, или воронежского «культурного гнезда», силовые линии которого прошли по творчеству А. Платонова. До него не было писателя подобного масштаба, который с такой остротой ставил бы экзистенциальные проблемы нового времени. В XIX веке это поручено было Кольцову и Никитину, в XX — Платонову и Мандельштаму. В статье О.Г. Ласунского «Земляческая тропинка к А. Платонову» сказано об опережающем и существенном вкладе воронежских ученых в освоение творческого наследия нашего гениального земляка. В расчистке путей к его подлинному содержанию много сделали статьи и книги самого О.Г. Ласунского, В.А. Свистельского, Т.А. Никоновой, В.П. Скобелева, Л.Е. Кройчика, Л.А. Ивановой и, конечно же, О.Ю. Алейникова, труды которого обозначили новый этап в исследовании текстов писателя как процесса. Он выбрал, может быть, самый трудный путь анализа: проникнуть в чудо возникновения неожиданных платоновских смыслов, в динамику их развертывания и столкновений, в само их зарождение из всякого «сора» существования: из маленькой газетной заметки, из исторического документа, из бытового разговора, из слухов и легенд и т.п. Из чего только не вырастают такие выдающиеся произведения, как «Ямская слобода», «Город Градов», «Епифанские шлюзы», «Сокровенный человек», «Чевенгур», «Котлован» и другие.

Олег Алейников

Платонова, что скрывать, читать трудно даже филологу, надо постоянно держать ухо востро, всматриваться в хитрые словечки, в прерывистые линии сюжета, вслушиваться в игру интонаций, видеть и понимать многозначную символику, за масками видеть подлинные лица и личины, за фантазмагорией — грозную, трагическую реальность, в которой жил, работал Платонов, художественно преображал ее. О.Ю. Алейников проявил все свои знания и умения, чтобы его тексты открыли нам их многозначность и глубину. Платонов, по словам его жены, «смеялся над филологией». Может быть, потому, что не было рядом настоящего филолога? Или потому, что филология занимается словом, а не делом: не строит колодцы и плотины, не поливает засушливую землю, не водит паровозы и не кормит хлебом людей? Но кто как не наши университетские филологи открыли его миру, высветили своим словом многие тайны его писаний? Кажется, эти задачи О.Ю. Алейников утвердил для себя главными «на всю оставшуюся жизнь».

Что же подвигло его к долговременному исполнению взятых на себя обязательств? Ответы мы найдем в его собственных работах: «Наши знания о разных страницах жизни и творчества Платонова все еще далеки от исчерпывающей академической полноты. В том числе — и о воронежском периоде его творчества, как казалось прежде, изученном почти досконально». Так, например, противоречиво и неточно писали об участии Платонова в событиях гражданской войны, о его работе в газете «Воронежская беднота». Алейников нашел в ней три заметки молодого журналиста. «Обнаружить эти заметки, — признается исследователь, — нам удалось после многомесячного изучения уцелевших подшивков “Воронежской бедноты” в Санкт-Петербурге и Воронеже» (знаю по себе, много лет листавшему все смоленские газеты и журналы 20-х годов, какую радость испытал О.Ю. от своих находок). Кроме того, были установлены сроки командировки Платонова в Новохоперск, долгое время неизвестные специалистам. Эти факты вроде бы незначительны, но они «позволяют установить, какие проблемы в разгар гражданской войны молодой Платонов считал приоритетными. И для себя, и для читателей “Воронежской бедноты”». А он тревожился не только от «плохой организации обороны Воронежского укрепрайона», но и заботился об «огородах для рабочих» и о слабо поставленном «садово-огородническом хозяйстве» в Задонском уезде, где жили в то время его родители и бабушка. Причем сады и огороды в его творчестве «вырастают» в символы прекрасного будущего.

Бытийные и житейские смыслы у Платонова, не один раз отмечает Алейников, вытекают из первородных предметов, событий, случаев, из необработанного заранее сознания и речи людей. По этим смыслам ученый прокладывает свои маршруты-концепции, доверяясь писателю, его таланту и воле. Всякий ли готов ворошить стихию деяний и слов, проросших друг в друга, добро и зло, высокое и низкое, чтобы разглядеть во всем этом золото правды? Алейников знает, какой до основания потрясенный, сбитый со своей орбиты мир достался перу Платонова, как мучительно, через кровь и пламя, он хочет обрести порядок и гармонию.

Разгадки заложенных в платоновские тексты тайн О.Ю. Алейников ищет не только в породившей их действительности, не только в биографии и личности писателя, но и в самих текстах, в их структуре и словесной ткани. Еще в первом веке до н.э. раввин Акиба, сообщает С.В. Канныкин, утверждал, что «различные скрытые значения текста объясняются деталями самого текста — например, повторениями, синонимами, словами, буквами и даже формой букв». Современная филология открыла столько таких деталей и средств, что никакому автору не удастся спрятать свои скрытые значения. Но чтобы приблизиться к их разгадке, надо быть искусным в своем деле. Алейников умело и тонко обнаруживает проекции живой действительности на платоновские замыслы и на их пересечения улавливает новые художественные значения. Платонова трудно назвать правомерно «красным», а тем более «белым»: «любушка» для него революция, как для Нагульнова, или «баба гулящая»?.. Не спешит выставить в окно свои флаги и О. Алейников. У него есть свои ответы, но они в развернутой системе анализа. Революция, социализм, коммунизм — не просто слова, за ними вставало нечто сверхмощное и чудотворное, загадочное и недосягаемое, как солнце, в них каждый видел то спасение, то беду.

Чевенгурцы, пишет Алейников, ищут коммунизм не во времени — как закономерность развития социализма, а в пространстве — как внезапно образовавшийся город Чевенгур, мало кому нужный и неустроенный. Для нас теперь коммунизм — некий временный исторический казус, а для Платонова — почти во всю его жизнь длящееся время, взявшее всех в кругой оборот. Много не укладывалось в голове, сознание не стыковалось с реальностью, все казалось смещенным, нелогичным, человек, по словам Бунина, отходил ко сну «будто опоенный эфиром». На все это надо было отозваться словом, запечатлеть видимое, выразить душу происходящего, предложить адекватные писательские ресурсы, выработать свою активную, актуальную поэтику. Чтобы разглядеть в лицо сорвавшуюся лавину революции, надо быть внутри ее, но и впереди, почувствовать под ногами дорогу истории. Алейников увидел в революции попытки фольклорного сознания чудом сотворить царство Божие на земле. Но волшебство кончилось, и явился Чевенгур. Само его звучание, какое-то темное и неблагозвучное, подобное аббревиатурам тех лет, передает, по словам Алейникова, «атмосферу внутренне дисгармоничной эпохи». С названия этого города (синонима коммунизма) и других населенных пунктов, действительных и вымышленных, начинается он свой анализ романа. Подобные реальные, они придуманные, причем с насмешкой и даже издевкой: поселок Средние Болтаи, деревня Ханские Дворики, Исполдние Хутора, станция Разгуляй, разъезд Завалишний, Верхне-Мотнинский район, город Урочев. Они чередуются с подлинными (Лиски, Новохоперск, Петропавловка, Поворино, Пески), которые «оказываются подчас не там, где они в действительности должны располагаться». Платонов смело нарушает хронологию, географию, звучание слов, речевые обороты подобно «народу-языкотворцу». Вот в степи мужики показывают иностранцам, где тут «трахт» проходит. Нет такого слова, как и тракта нет, а только одно направление в бескрайнем пространстве, но все же правильное. Народ знал только устное слово, говорил как получалось, а друг друга понимали. Речь Платонова, пишет Вл. Гусев, это «ныне знаменитая, сгущающая в себе многоголосие быта и вбирающая, “утрирующая” речевые особенности переходной эпохи: единство “канцелярита” и фольклора, уникальную смесь ново-официального и старопровинциального жаргонов в народном сознании». Платонов знал и любил его: «Родной язык рисует нам лицо родного народа; язык словно озаряет образ родины и делает родину свойственной нам и любимой».

Произведения А. Платонова О.Ю. Алейников рассматривает в широком контексте как исторических знаний, так и литературных традиций. В них открыва-

ется круговая панорама жизни народа, с давних времен свергнутого то в братоубийственные раздоры, то в гигантское строительство, то в разрушение основ существования, то в мечтания о молочных реках и кисельных берегах. Брат Сергей Платонович писал о нем: «Социализм — это была его кровь, его будущее, его надежда». Надежда уходит последней. Андрей Платонов не отрекся от нее, какие бы удары ни наносила ему судьба. «Жизнь тяжелее, чем можно выдумать», — писал он жене в феврале 1927 года. Месяцем ранее — почти беспросветно: «В тюрьме гораздо легче». А месяцем позже из отчаявшейся души вырвалось: «Иногда меня питает энергия остервенения, чтобы выбраться на чистую независимую воду жизни». Усомнился ли он в социализме?

О.Ю. Алейников с завидным постоянством исследует не только устройство текстов Платонова, но и феномен его личности, его «оптимистической трагедии». В рецензии на книгу писем А. Платонова, которые не издавались до 1975 года, открывается причина этого постоянства: сострадательная любовь к «сокровенному» писателю, горячий порыв восстановить полноту знания о нем, приблизить читателя к пониманию его души и творчества, не вписавшегося в порядки и нравы ревзаведника.

В письмах Платонова, признается ученый, «откликается душа и сердце великого человека, подлинные, а не надуманные факты его биографии. Письма... вновь напоминают о пустотах времени, столь удручающих оттого, что слишком мало было людей, равных Платонову по внутренней независимости, верности писательскому дару, выстраданной любви к Отечеству, бессмертному русскому слову».

Как в этих «пустотах», в этой «буче, боевой и кипучей», жилось и писалось Платонову? Опасно, трудно, больно, духоподъемно, под обвинительными приговорами критики и цензурными запретами. Наверное, этим можно объяснить появление статьи Алейникова о двух цензурных историях в редакторской практике А. Твардовского. Проблема цензуры — одна из жгучих в разговоре о Платонове. Но он не просто негодует на красный карандаш, вырубая лучший страницы советской литературы. Он терпеливо восстанавливает платоновские тексты, их смысловую связь и полноту, их стилистическое «разнотравье». Текстолог работает при этом как археолог, возвращая нам, словно прекрасные амфоры, авторизованные письма Платонова.

Незадолго до своей кончины Платонов написал на подаренной книге «Волшебное кольцо. Русские сказки»: «Брату Пете — не оставившего меня своей братской любовью в страшное время моей жизни». А. Фадеев, много зная об этих временах, предупреждал его: «Ты чудак, ты не от мира сего, тебе лучше куда-нибудь уехать». Но Петр сказал по-другому: «Был слишком смелый, бравировал своей смелостью, ничего не боялся». Значит, ему многое угрожало? «Он умер таким затравленным», — признает жена Мария Александровна. И добавляет: «Страшная судьба русского бедного таланта и, как всегда было у нас в России, всегда затравленного, забытого вконец». Платонов стоически прожил отпущенные ему сроки и всем своим существом, словом и делом написал свое несвятое, мирское житие. О.Ю. Алейников глубоко вник в это житие, увидел в нем выдающийся документ мятущегося сознания XX века...

